

В то время он просто думал об этом про себя, когда же он произносил такие слова? Вспомнив это, Му Цинцин подозрительно посмотрел на Му Ляньчэня.

— Ладно, нам пора возвращаться, прими свой прежний облик, — прервал его раздумья Му Ляньчэнь.

— Ой, ой, ой... — то ли маленький пухляк понял слова о возвращении домой, то ли нет, но он радостно подпрыгивал на руках у Му Цинцина.

Му Цинцин опустил голову, глядя на него, а затем перевел взгляд на Му Ляньчэня.

— Идем. Неужели ты хочешь бросить его здесь? Хоть это крошечное создание и обрело разум, проглотить его — тоже великое лекарство для восполнения сил, — Му Ляньчэнь уже очень давно не видел у Му Цинцина столь озабоченного выражения лица.

Му Цинцин опустил взгляд на пухлого малыша у себя на руках и больше ничего не сказал.

— Два уважаемых старших, у меня есть кое-какие вопросы, не подскажете ли, могу ли я нанести вам визит? — заметив, что те двое собираются уходить, Чжу Мо торопливо шагнул вперед.

Му Цинцин даже не замедлил шаг, лишь бросил на него презрительный взгляд с недовольной миной и оставил без ответа.

— Разумеется, — кивнул Му Ляньчэнь. От этого бамбукового духа исходила чистая ци, да и сердце у него было не злым.

Его небольшой дом изначально был рассчитан всего на двоих, но стоило им лишь отлучиться ненадолго, как за ними увязались еще двое.

Из-за неожиданного появления двух дополнительных спутников Му Цинцин за весь день вымотался и душой, и телом. Особенно этот пухляк — он оказался настоящей липучкой. К счастью, тот бамбуковый дух обладал сообразительностью и умел ладить с маленькими демонами, что значительно облегчило жизнь Му Цинцину.

Несмотря на это, затворив за собой дверь комнаты, Му Цинцин шумно и глубоко выдохнул. Мужчина уставшим пластом рухнул на кровать, но в то же время был невероятно оживлен: он еще не остыл от радости из-за наступления зрелости, к тому же Му Ляньчэню теперь стало лучше, и совсем скоро они смогут вернуться в Клан. Дни притеснений и угнетения наконец подходили к концу.

А за дверью Му Ляньчэнь почувствовал легкое шевеление в сердце. Он посмотрел на плотно закрытую дверь комнаты Му Цинцина, затем поднял взгляд на яркие звезды и луну на небе, и лишь когда позади послышался шорох, обернулся.

— Говори, какая у тебя цель на самом деле? — Чжу Мо был самым настоящим чистокровным демоном, на нем не было греха убийства, но раз он увязался за ними, то определенно преследовал какие-то скрытые мотивы — весь этот день он только и делал, что крутился вокруг Му Цинцина.

— Какая у меня может быть цель? Просто я давным-давно не встречал сородичей из Клана Демонов, вот и решил составить вам компанию, чтобы развеять скуку, — беззаботно улыбнулся Чжу Мо.

— Надеюсь, ты не замышляешь ничего дурного. Клан Лисиц не так-то просто обидеть. Кхе-кхе-кхе... — Му Ляньчэнь легко кашлянул пару раз. Говорил он негромко, но проигнорировать это было невозможно: Клан Лисиц действительно занимал далеко не последнее место среди сильнейших кланов демонов.

— Ха-ха-ха, уважаемый старший, вы и впрямь слишком много о себе возомнили. Демон с таким простым умом и столь грубыми методами в вашем сердце — сокровище, но вовсе не мой тип. Если бы у меня был выбор, я бы, конечно, предпочел такого глубокого и опытного демона, как вы, — не удержался от шутки Чжу Мо.

Хотя прошло всего полдня общения, он уже понял, что этот демон по имени Му Ляньчэнь совсем не похож на Му Цинцина. Он умел рассуждать здраво, поэтому мог спокойно вынести безобидную шутку. В этом отношении он скорее напоминал благородного мужа из мира людей — жил с достоинством и соблюдал все правила приличия. В отличие от Му Цинцина, в котором с первого взгляда угадывался избалованный, вседозволенный демон, привыкший во всем потакать лишь собственным капризам.

— Впрочем, говорят, что смертные всегда любят все необычное. Теперь вижу, что демоны ничем от них не отличаются, — разумеется, Чжу Мо заметил, как по-особенному Му Ляньчэнь относится к Му Цинцину, ведь ему доводилось повидать немало страстей между мужчинами и женщинами в человеческом мире.

— Только вот эта черная лисица, кажется, ни во что вас не ставит? — видя, что тот не поддерживает разговор, Чжу Мо с самым естественным выражением лица продолжил беседу.

Если взглянуть на ситуацию под другим углом: хоть Му Ляньчэнь и был сговорчив, но держался чересчур холодно и отстраненно, от него всегда исходило какое-то едва уловимое отчуждение. Подобраться к нему было куда сложнее, чем к Му Цинцину, — в конце концов, этот демон был поистине старой лисой.

Му Ляньчэнь посмотрел на Чжу Мо, у которого при утонченной внешности с языка не сходило ни единого серьезного слова, бросил на него равнодушный взгляд, завел одну руку за спину и молча удалился.

Заметив, что тот уходит без единого слова, Чжу Мо легко усмехнулся. Ему вдруг подумалось, что все эти фальшивые благочестивые маски в мире людей имеют под собой веские основания: стоит ему лишь заговорить с маленьким лисенком чуть дольше обычного, как этот тут же напускает на себя такой важный вид.

В следующий миг он увидел, как этот страдающий хворью мнимый праведник обратился ярко-красной лисицей и прыгнул в оконный проем — по всей видимости, в комнату той самой черной лисицы.

Чжу Мо снова легко усмехнулся и тоже повернулся, чтобы уйти.

Услышав шорох, Му Цинцин повернул голову и увидел прекрасную красную лисицу. Старый лис был одной из немногих красных лисиц на Горе Девяти Хвостов, однако он никогда не любил сохранять звериный облик, к тому же всем была известна их ослепительная и горделивая красота, так что Му Цинцин почти никогда не видел красных лисиц живьем.

Заметив, как гордая и ослепительная красная лисица одним прыжком очутилась в изголовье кровати, Му Цинцин не отрывая глаз уставился на нее и бессознательно принялся тереть ей уши.

Сразу после этого он встретился взглядом с ее прохладными и нежными лисьими глазами и наконец смущенно отдернул руку:

— Дядя, как ты здесь оказался?

Му Ляньчэнь вновь принял человеческий облик. На нем была ярко-красная шелковая рубашка, подчеркивавшая неестественную белизну его кожи, которая казалась почти светящейся в тусклом свете ламп. Чуть приподнятые уголки лисьих глаз придавали ему природное очарование, а родинка под глазом добавляла образу еще больше благородного изящества. Из-за слегка побледневших губ этот мужчина выглядел болезненным, что вызывало еще больше жалости и нежности. По сравнению с обычным временем этот старый лис выглядел так, будто перед ним совсем другой человек, и Му Цинцин уже не мог отвести от него глаз.

— Кхе-кхе, кхе-кхе, — раздался знакомый кашель. Му Цинцин торопливо бросился наливать воду: одной рукой он поддержал его за спину, а другой поднес пиалу к его губам, причем все его движения были куда нежнее, чем в будни.

— Будь осторожнее. Тебе стало хоть немного полежнее? — с беспокойством спросил он.

— Все в порядке, кхе-кхе... — Му Ляньчэнь прижался лицом к коленям Му Цинцина, подложив под щеку согнутую руку.

— Как так? Неужели остались какие-то скрытые последствия? — С этими словами он приподнял Му Ляньчэня, прижимая к своей груди, и, собрав на ладони белое свечение, приложил ее к его груди, начиная медленно сканировать потоки энергии.

Под ладонью билось здоровое и сильное сердце. Му Цинцин нахмурился:

— Где именно болит?

Му Ляньчэнь поднял руку и накрыл ладонь Му Цинцина, лежавшую у него на груди. Ничего не говоря, он просто закрыл глаза.

Под ладонью Му Цинцина отчетливо стучало сердце Му Ляньчэня, а тыльную сторону его руки обжигало тепло ладони мужчины, горячее, как огонь.

Опустив взгляд на горделивое и строгое лицо мужчины, Му Цинцин почувствовал, как его собственное сердце забилося намного чаще.

Поддавшись какому-то неодолимому порыву, он медленно склонил голову и прижался губами к подбородку облаченного в красное мужчины.

Заметив, что у Му Ляньчэня лишь едва заметно дрогнули ресницы, Му Цинцин неожиданно для самого себя осторожно коснулся губами той самой родинки, что хранила в себе все его очарование.

Му Ляньчэнь резко распахнул глаза. Их взгляды встретились — сам он по-прежнему выглядел совершенно невозмутимо, в то время как Му Цинцин выглядел так, будто увидел призрака:

— Ты что, применил ко мне Технику Очарования Клана Лисиц?

Видя его столь растерянный и испуганный вид, Му Ляньчэнь тронул губы усмешкой и слегка отстранился назад, а в его глазах читалось бесконечное баловство. Он оперся локтем о ложе и

полулежал на нем; по сравнению с растерянным, сбитым с толку и сердитым Му Цинцином, Му Ляньчэнь, будучи здесь непрошеным гостем, выглядел так, будто именно он является полноправным хозяином этой комнаты.

— Возможно. Но с чего ты вдруг решил, что я стану применять Технику Очарования к какому-то сопляку? — легко рассмеялся Му Ляньчэнь. Его тон оставался все таким же безмятежным, словно ему не было дела ни до чего на свете, однако в сочетании с его лисьей внешностью это заставляло сердце замирать от щекочущего трепета.

Услышав слово сопляк, Му Цинцин тут же обиделся. Он провел среди смертных не один десяток лет, взрослея бок о бок с человеческими детьми. Многие из его товарищей давно выросли, а Чжуанчжун, с которым они были ближе всего, уже успел жениться. Му Цинцин считал, что он тоже вполне может считаться взрослым, к тому же, получив силу Байшаньчжу, он успешно завершил Стадию Принятия человеческого облика и вступил в Стадию Взросления.

— Старейшина Му, раньше вы, возможно, и называли меня сопляком, и из уважения к вам я ничего не говорил. Но теперь вы, судя по всему, забыли: я уже по-настоящему принял человеческий облик и, пожалуй, через несколько лет стану известным на весь мир великим демоном, — Му Цинцин принял крайне серьезный, не терпящий возражений вид, до боли напоминавший дневного Му Ляньчэня, разве что в нем было чуть больше упрямства.

— Хорошо-хорошо, Цинцин! — Му Ляньчэнь не стал с ним спорить, уголки его губ тронула едва заметная улыбка. Мягкий свет тусклой лампы падал на его гладкое, подобное нефриту лицо, смягчая его и без того соблазнительные черты.

Му Цинцин холодно усмехнулся, глядя на Му Ляньчэня, и в его взгляде промелькнула вполне взрослая строгость. Жаль только, что как бы серьезно он ни выглядел снаружи, он никак не мог заглушить легкое чувство внутренней неуверенности, особенно когда перед ним находилась такая ослепительно прекрасная живая картина.

В общении с Му Цинцином Му Ляньчэнь всегда чувствовал себя как рыба в воде. В конце концов, это был ребенок, которого он вырастил сам: пусть его характер и внешность и претерпели сильные изменения по сравнению с прошлой жизнью, но эта его привычка говорить одно, а думать совсем другое не исчезла даже после перерождения в облике демона.

Сложив пальцы в замысловатую печать, он сотворил простую на вид, но наполненную глубоким смыслом технику.

Взгляд Му Цинцина мгновенно затуманился, а Му Ляньчэнь опустил руку и стал молча наблюдать за погруженным в полудрему демоном-лисом.

Прошло ли много времени, или совсем немного — было непонятно, но Му Цинцин медленно приоткрыл глаза. В его звездных очах читалась незнакомая прежде нежная влюбленность, а уголки губ тронула легкая улыбка.

Однако, заметив перед собой облаченного в красное мужчину, он на мгновение снова растерялся, после чего окинул Му Ляньчэня сложным, полным противоречий взглядом:

— Ты... чего ты в конце концов добиваешься?

Пристально глядя на по-прежнему невозмутимого мужчину перед собой, Му Цинцин невольно сжал руки в кулаки по бокам. Погружение в Реальность, как тебе, моя техника ведь неплоха,

правда? — Му Ляньчэн пошевелился, сменил позу на более удобную и сел, скрестив ноги напротив Му Цинцина.

Услышав про Погружение в Реальность, Му Цинцин помрачнел еще сильнее. Боевая мощь Му Ляньчэня была не так уж высока, но он смог занять место одного из старейшин исключительно благодаря своим изысканным чарам. Погружение в Реальность — коронная техника Му Ляньчэня — заключалась в том, чтобы внедрить сны одного человека в сознание другого, причем жизнь и смерть человека, попавшего под воздействие сна, зависели от одного лишь мановения мысли того, кто этот сон насадил.

Он не понимал, чей именно сон Му Ляньчэн вложил в его голову и зачем вообще заставил его пережить такое видение, однако нежное, щемящее чувство из сна казалось до сих пор отзывалось эхом в глубине души.

Видишь ли, стоило пройти лишь этому короткому мгновению, как ты уже заблудился в нем. А я вот погружаюсь в эту точашую душу негу уже десяток лет, и теперь, кажется, сам больше не способен отличить сон от реальности, малыш Цинцин. — В тоне Му Ляньчэня звучало глубокое смятение, его красивые глаза-фениксы были полны отражения лишь одного человека, а уголки губ медленно изогнулись в улыбке, в точности копирующей то самое выражение, с каким только что сидел Му Цинцин.

Му Цинцин шевельнул губами — казалось, у него на языке вертится тысяча слов, но в то же время он не мог вымолвить ни единого звука. В этот момент он совершенно не представлял, как теперь смотреть в глаза этому мужчине.

Погружение в Реальность. В том сне он превратился в простого книжника. Сперва ради туманного будущего он крутил шашни с ярким, ослепительным мужчиной в годах, но по мере общения незаметно привязался к нему всем сердцем. Тот зрелый мужчина из сна был старше его почти на десяток лет, обладал яркой, но индиго-мягкой внешностью, хитрым складом ума и крайне капризным характером.

И тем не менее он относился к книжнику со всей искренностью. На первый взгляд казалось, что старший мужчина лишь балует и потворствует юноше, но на самом деле книжник тоже по-своему терпел все причуды возлюбленного. Он до безумия любил то, как тот стремился владеть им безраздельно, как вкладывал душу, а пуще всего — те чарующие, бесконечно разнообразные выражения, что играли на лице любимого в самые интимные моменты.

Оба они были людьми, и в том мире однополая любовь строго порицалась, однако оба презрели предрассудки света и прожили вместе целую жизнь, поддерживая друг друга. Пока они не проводили в последний путь всех, кто был им дорог, и не покинули этот мир рука об руку.

На закате дней тот старый, седовласый книжник писал картину Весеннего сна для своего возлюбленного. Сделав последнюю черту и глядя, как у любимого постепенно угасает дыхание, книжник повесил полотно в комнате, полной портретов одной и той же красавицы. На тех картинах персонаж менялся от юности к зрелости, от зрелости к старости; от ослепительной

яркости до величественной пышности и тихой безмятежности, но за каждым взглядом и каждым изгибом бровей неизменно угадывался один и тот же человек.

Повесив последнюю картину, книжник неторопливо подошел к кушетке, опустился рядом с телом возлюбленного, взял его за руку и с легкой улыбкой на губах тихонько перестал дышать.

В том сне он прожил целую жизнь бок о бок с этим мужчиной, а тот зрелый мужчина из сна лицом на семь десятых походил на сидящего перед ним лисьего духа — в мгновениях помрачения разума казалось, будто это один и тот же человек.

Особенно сейчас, когда Му Цинцин смотрел на человека перед собой, он уже не мог разобрать, где явь, а где сон.

В это мгновение душевного помутнения Му Цинцин сам не заметил, как потянулся, взял собеседника за руку, и легкий поцелуй коснулся кончиков пальцев мужчины — а в сердце тут же волной хлынули чувства трепета и полного удовлетворения.

И впрямь чурбан, сколько ни пройдет времени — всё равно останешься чурбаном. — Му Ляньчэн тихо рассмеялся.

В туманном сиянии ламп две тени на окне слились воедино. За окном покачивались тени деревьев, и даже лунный свет казался зыбким и чарующим.

Шелест знакомой бамбуковой рощи доносился снаружи — этот бамбук Му Ляньчэн постепенно рассаживал последние несколько лет. Теперь перед домом и позади него вырос целый зеленый массив, правда, в основном Му Ляньчэн лишь раздавал указания, а всю черновую работу выполнял Му Цинцин. За последние десяток с лишним лет этот голос стал обоим привычен. Му Цинцин открыл глаза, и всё его тело наполнилось чувством глубокого удовлетворения, словно силы, копившиеся больше десяти лет, в этот миг нашли выход. По привычке перевернувшись на бок, он едва успел повернуть голову, как тут же встретился взглядом с парой спокойных фениксовых глаз.

— Ты... — увидев рядом великого демона, Му Цинцин инстинктивно хотел задать вопрос, но в голове одна за другой вспыхивали картины вчерашнего умопомрачения.

— Ты сошёл с ума? — Му Цинцин машинально подтянул повыше шёлковое одеяло, сползшее из-за резкого движения. В этот момент он лихорадочно соображал, как именно должен отреагировать. Будь он обычным деревенским парнем, что бы он сделал сейчас? Застегнул бы штаны и притворился, что ничего не было? Так поступают только негодяи.

Или же утешить партнера, а затем пойти свататься? Но он вовсе не деревенский парень, да и этот мужчина — далеко не какая-нибудь застенчивая девчушка. — Проснулся? Чего ты так всполошился?

Му Ляньчэн привык вставать рано. Вчерашняя ночь выдалась бурной, и сегодня утром он чувствовал необычайную легкость во всем теле. Неудивительно, что демоны так падки на

плотские утехы — для Му Ляньчэна подобное наслаждение было в новинку. Впрочем, гораздо больше этого его занимала реакция маленького гончая. Увидев, что Му Цинцин открыл глаза, Му Ляньчэн, чей взгляд и так был прикован к нему, мгновенно словно посветлел лицом.

Заметив, что Му Цинцин смущенно натягивает одеяло, он даже любезно помог ему подоткнуть краешек.

— Ты что, применил ко мне Технику Очарования? — Внутренний хаос из мыслей, бушевавших в голове Му Цинцина, мгновенно рассеялся от бесцеремонного и привычного тона Старого лиса, и он поспешил перехватить инициативу, задав вопрос первым.

Сколько он ни общался с Му Ляньчэном, верх одерживать удавалось крайне редко. Порой Му Цинцин даже чувствовал себя обезьяной под горой Пяти Стихий — как ни старайся, а из ладони Му Ляньчэна не вырваться.

Теперь это были не просто смутные подозрения: он окончательно убедился, что Му Ляньчэн действительно применил против него Технику Очарования.

— Ну да. Я ведь тоже из Клана Лисиц, неудивительно, что владею подобным искусством. Чего ты так удивляешься? — Му Ляньчэн успокаивающе похлопал по одеялу, укрывавшему Му Цинцина. Глядя на чересчур оживленного с самого утра малыша, он мысленно упрекнул себя: не слишком ли он торопит события? В конце концов, переход малого в Стадию Взросления был искусственно ускорен. Ты ведь применил ко мне Технику Очарования? Как ты мог так поступить? Почувствовав себя правой стороной, Му Цинцин заговорил гораздо увереннее и даже прямо сел, с вызовом глядя на Му Ляньчэна. Их позы мгновенно переменились.

Прошлой ночью тебе было весело? — Му Ляньчэн по-прежнему лежал на боку, с усмешкой глядя на принявшего столь агрессивный вид Му Цинцина.

Весело, — не задумываясь ответил Му Цинцин, будучи маленьким принцем Клана Лисиц.

Му Ляньчэн: — Я связывал тебе руки и ноги?

Му Цинцин смолчал.

Му Ляньчэн продолжил: — Я сам к тебе навязывался?

Му Цинцин продолжал молчать. Хотя вчерашняя ночь казалась ему туманной, словно разум был затмнен злыми духами, каждую деталь он помнил кристально ясно. От начала и до конца он сам усердно старался, в то время как этот человек лишь снисходительно лежал на спине, с улыбкой на губах наблюдая за тем, как он творит безумства.

И что это за логика? Или ты, будучи демоном, решил перенять человеческие манеры и требуешь, чтобы я нёс за тебя ответственность? Или ты считаешь, что сам должен отвечать за меня? — голос Му Ляньчэна звучал все так же неторопливо, как и в будние дни.

Пыл Му Цинцина постепенно угас. Он все еще с некоторым несогласием поглядывал на Му Ляньчэна: хотя в словах собеседника был смысл, Му Цинцин чувствовал, что что-то здесь не так.

К этому моменту вчерашний яркий и соблазнительный облик Му Ляньчэна сменился белыми одеждами и черными волосами. Для демона подобное — лишь пустяковое заклинание. Наверное, без тени ночных огней, при дневном свете перед ним снова предстал тот самый мягкий и болезненный благородный господин.

Если добавить к этому их нынешние позы — один полулежит, другой сидит, — валяющиеся у края кровати слои одежды и красные следы на боковой стороне шеи Му Ляньчэна, то в сложившейся обстановке скорее Му Цинцин выглядел тем, кто натворил дел.

Но ведь это явно...

Ты снова заведешь песню о Технике Очарования? Это всего лишь простое простейшее заклинание. К тому же ты знаешь, что Техника Очарования действует только на тех, у кого нет твердой воли. Подобный пустяковый фокус лишь усиливает скрытые в сердце человека желания, а если у человека стойкий ум, он вовсе не подействует, разве не так? — видя, что Му Цинцин все еще сопротивляется, Му Ляньчэн легко вздохнул и перебил его.

Ты хочешь сказать, что у меня были какие-то дурные мысли на твой счет? Как такое возможно? Это же просто нелепо, — усмехнувшись, Му Цинцин сильным взмахом руки сотворил себе одежду, перешагнул через Му Ляньчэна и, отворив дверь, вышел из комнаты.

Как только дверь закрылась и он повернулся, Му Цинцин яростно нахмурился и глубоко вздохнул — он прекрасно знал, что Му Ляньчэн был прав.

<http://bllate.org/book/21591/2225484>